

УДК 008(1-6)

З.Е. Исакова*, Г.Т. Жумадилова

Казахский национальный университет имени аль-Фараби,
Республика Казахстан, г. Алматы

*E-mail: zaure.iskakova@kaznu.kz

О европоцентристских взглядах на восточную культуру

Культурные контакты способствуют возрождению традиций, обычаев, видов искусства, народных промыслов, игр и состязаний, национальной кухни, сохранению исторических древностей и уникальных ландшафтов, традиционной медицины. Стимулируют поддержание самобытности культур как национального достояния, предмета общественного почитания и гордости. Все это содействует мирному взаимодействию и взаимному познанию культур народов мира. На этой основе развиваются исторические, этнографические, культурологические исследования, поиски происхождения этноса, сохранение языка, улучшение имиджа своей культуры.

В данной работе рассматриваются европоцентристские взгляды на восточную культуру.

Ключевые слова: европоцентризм, вестернизация, плюрализм, бинарность, аверроизм, этноцентризм.

Z.E. Iskakova, G.T. Zhumadilova

About eurosoftware centrist looks to east culture

In this paper addresses issues raised about the Eurocentric views of the eastern culture.

Key words: eurocentrism, westernization, pluralism, binary, averroism, ethnocentrism.

З.Е. Исакова, Г.Т. Жумадилова

Шығыс мәдениетіне европоцентристік көзқарас туралы

Мақалада қазіргі таңдағы шығыс мәдениетін зерттеу және европацентристік көзқарас туралы зерделенген.

Түйін сөздер: европоцентризм, вестернизация, плюрализм, бинарлық, аверроизм, этноцентризм.

Как известно, европоцентризм (европеизм) – это теоретическая установка современных концепций общественно-политического развития, которая подчеркивает авангардную роль Европы в мировом развитии, превращает ценности европейской культуры в критерий идентификации и систему отсчета для научных исследований других культур, европейскую модель развития в универсальный способ решения всех сложнейших проблем человечества. Согласно европоцентристской точке зрения, Европа с присущим ей духовным укладом является центром мировой культуры и цивилизации. Возвеличение Запада прослеживается в европейском сознании

на протяжении столетий. Крестовые походы и путешествия, великие географические открытия, захват новооткрытых земель и жестокие колониальные войны – все это, в конечном счете, воплощенные в реальных исторических деяниях проявления европоцентристской точки зрения. Европа, Запад с их историческим укладом, политикой, религией, культурой, искусством как единственная и безоговорочная ценность противостоят «неправильности» и «неразвитости» восточного мира.

Согласно европоцентристской культурологической концепции, развитие подлинных ценностей науки, искусства, философии и т.д.

происходит только в Европе. В явной или неявной форме провозглашается превосходство европейских народов и западноевропейской цивилизации над другими народами и цивилизациями во всех сферах жизни. Иные культуры воспринимались либо как «недоразвитые», либо как «варварские».

Вестернизация мыслилась как основа всех западных глобальных проектов. В XX в. европоцентризм был подвергнут критике, и заговорили о «закате Европы» (О. Шпенглер), «увядании творческих сил западной культуры» (П. Сорокин), об ограниченности такого подхода (А. Тойнби). Сегодня убежденность в узости идей европоцентризма практически всеобща и предпринимаются попытки осмыслить многообразие культур, полицентризм в политике. Мир становится одновременно единообразным и разнообразным, дополняя гомогенизацию экономических отношений, технологических и научно-производственных процессов дифференциацией жизненных укладов, народных традиций и социокультурным, этнонациональным, конфессиональным, духовно-ценностным плюрализмом.

К середине XIX в. относится появление «востоковедения» как явления в системе исторического знания, отражающего взгляд Запада на противостоящий ему, «особый» мир Востока. Позиции культурологов, проживавших тогда в технически и экономически более развитых европейских странах, опережающих восточные и в научно-интеллектуальном отношении, вольно и невольно способствовали возникновению «европоцентристских» тенденций, что, естественно, отразилось и на формировании подходов, методов и принципов анализа истории культуры стран Востока, на выработке ценностных критериев и оценок качества прогресса общественного развития, характера эволюции культуры, философии, истории искусств и архитектуры стран Востока.

Подлинный диалог между цивилизациями предполагает, чтобы Восток из объекта преобразования и совершенствования в глазах Запада превратился в участника дискуссии по совершенствованию отношений в мире, но для этого и он должен сделать шаг к познанию реальностей Запада. Познание разнообразия культур закономерно должно постепенно превращаться в действительность и определенность «единства», но не единообразия. Следует отметить, что необходимый процесс формирования единства

не исключает конфликтов, поскольку он прокладывает свой путь через временные и случайные формы действительной истории, которым свойственна не диалогичность, а бинарность и противоречивость.

Восприятие культурного наследия Востока только интеллектуально, с «непознанностью» пласта его духовных смыслов, свойственное большинству трудов исследователей-«западников», не имеет смысла, так как не совпадает с пониманием ценностных ориентаций создателей восточных памятников и продолжателей традиций.

Перейдя к широкой колониальной экспансии, экстравертивная буржуазная Европа с ее имперским мироощущением цивилизационного превосходства и «бремени белого человека» соответственно квалифицировала интравертивный Восток как отсталый, застойный и нецивилизованный. С точки зрения европейского рационализма афро-азиаты ленивы и непредприимчивы. Вспышки национально-освободительного движения покоренных и вроде бы покорных «туземцев» застойного Востока воспринимались как проявление «восточного коварства».

В европейском общественном мнении колониальной эпохи постепенно формируется такой европоцентристский взгляд на мир, в котором динамичная, творческая, свободная Европа выполняет по отношению к застойному, деспотическому, фанатичному Востоку «цивилизаторскую» миссию. «Империалистическая историческая наука», служанка и лоцман колониализма в чужих цивилизационных водах, объясняла историю и специфику Востока через призму европейских категорий и стадий развития.

К примеру, У. Хантер, Г. Рисли и другие ученые объявили коренное население Индии инертным, неспособным к самостоятельному историческому развитию; прогресс в любой области приписывали белой, «арийской» расе, будто бы принесшей цивилизацию, совершенные формы общественных отношений, государственность, жизнеутверждающую религию и т.д. Развитие Индии обычно связывалось с волнами завоеваний, шедших с Запада. Читателя таким образом побуждали сделать вывод, что вторжение англичан было явлением прогрессивным и неизбежным – не по каким-либо общественно-историческим причинам, а вследствие расовых факторов.

В новейшее время европоцентризм помогает обосновывать противодействие метропо-

лий национально-освободительному движению в колониях, якобы «неспособных» в силу своей общей отсталости к самоуправлению и независимости. В постколониальный период европоцентризм препятствует духовной деколонизации развивающихся стран и способствует навязыванию им западных моделей развития без учета их цивилизационной специфики, что может быть выгодным Западу, но ведет к тяжелым последствиям для Востока.

Проявлениями европоцентризма в исторической науке являются:

- перенос на Восток закономерностей, стадий и категорий развития Европы;

- принижение вклада и роли Востока в истории человечества;

- мифологизация восточной специфики.

Последствиями такого подхода могут быть:

- искаженное понимание восточной истории и общества;

- ответная культурно-цивилизационная реакция Востока в адрес высокомерного Запада (антирасистский расизм и т.д.);

- трудности налаживания диалога Восток-Запад и замедление процесса складывания единого мирового сообщества.

Культ индивидуума с присущим ему объемом прав, признаваемых государством и охраняемых международным сообществом, определяет западный социальный порядок, где востребованность суверенной личности предельно зрима сегодня. Индивид находится в поле многоуровневых отношений как национальных, так и транснациональных. Но на Востоке всегда была важна идея не индивидуальности и единичности, а цельности и единства.

Традиция осознания себя гражданином, сформировавшаяся в Европе в античности, создала целостные учения о личности. Гражданин греческого полиса и гражданин Рима, эти понятия включали в себя представление о человеке, наделенном правами и свободами, о достоинстве личности как социального существа.

Что касается восточного социума, то основу китайского общества, к примеру, составляли семья и род. Сегодня поэтому можно говорить о существовании своеобразной китайской цивилизации, особенность которой определяются длительным непрерывным существованием китайской государственности, единых ритуалов, единого официального языка.

Идея нравственности и морали является доминантой в иерархии ценностей мусульман. Че-

ловеческое достоинство, честь и репутация, хорошее мнение окружающих, верность семье, ее традициям первичны, личностные же интересы вторичны, происхождение, принадлежность к тому или иному роду, клану определяют общественный статус человека.

На всем протяжении индийской истории нравственность тесно связана с религией. Веда содержит мощный нравственный заряд, так как, во-первых, человек подчиняет свое поведение воле более совершенных существ (вера в которых составляет сущность религии), т. е. приучает себя к повиновению; во-вторых, собственными действиями, внешним обликом и внутренними способностями он стремится уподобиться этим существам и в какой-то степени преобразуется.

Создание и распространение письма явилось важнейшей заслугой народов Древнего Востока перед человеческой цивилизацией. Активные и всесторонние контакты древних греков, а затем и римлян с народами Востока оказали безусловное влияние на становление греческой и римской культур. Благодаря этим длительным связям греки и римляне хорошо знали восточную науку, культуру и мифологию, в частности египетские мифы о божественных творцах языка и письма (букв), о покровителях письма и счёта. Они заимствовали некоторых персонажей из восточных мифологических систем в свои пантеоны богов.

Арабское письмо возникло ещё до принятия ислама. Формированию арабского языкознания и достижению им за относительно короткое время высокого уровня развития способствовали исторические условия, приведшие к быстрому возвышению арабского народа. В 632 г. было основано военно-географическое государство – Арабский халифат, границы которого необычайно быстро расширились в результате победоносного шествия арабов, завоевавших обширные территории на Ближнем и Среднем Востоке, включая значительную часть Индии, в Закавказье, Северной Африке, Испании. В процесс развития арабоязычной культуры включилось множество разных этносов. Вместе с исламом получил распространение арабский язык, принявший на себя роль языка религии, государственного управления, образования и науки.

Совершенство и чёткая методологическая направленность созданной арабами за короткое время системы языковедческих знаний объясняются и тем, что арабы сумели творчески ос-

воить всё накопленное в течение предыдущих веков как в эллинистической науке, так и в индийской науке, и тем, что они смогли глубоко проникнуть в структуру своего языка, серьёзно обогатив науку о языке многими важными положениями. Арабская наука о языке существенно повлияла на разработку грамматик и словарей родных языков и общелингвистической теории во всём мусульманском мире, на становление еврейской лингвистической традиции, на становление и развитие в Европе арабистики и, наконец, на появление тюркологии в рамках арабской традиции.

Арабское языкознание (особенно в лице мусульманско-испанской науки) выступило посредником между античной наукой, достижения которой (в частности многие труды Аристотеля) оставались неизвестными в средневековой Европе до 11–12 вв., и европейской схоластической логикой. Под влиянием арабской гуманитарной и естественной науки в западноевропейских университетах получил распространение аверроизм как арабская версия аристотелизма.

Важным достижением арабской лингвистической мысли было признание того, что количество слов ограничено, а количество значений бесконечно. Особое место в науке Арабского халифата занимал Махмуд ибн-ал-Хусейн ибн Мухаммед (Махмуд Кашгари, 11 в.), автор выдающегося двуязычного «Словаря тюркских языков» с объяснениями на арабском языке (который составлялся и редактировался с 1072 по 1083). В словарь была включена лексика с указанием её племенной принадлежности, сведений о расселении тюркских племён, об их истории, этнографии, поэзии и фольклоре, о классификации тюркских языков, сведений по тюркской исторической фонетике и грамматике, самой старой тюркской карты мира. Автор осознавал разнотемность тюркских языков и арабского. В словаре были рассмотрены вопросы взаимодействия (контактов) между языками тюркскими, иранскими и арабским. Нужно подчеркнуть, что у Махмуда Кашгарского не было предшественников в области изучения тюркских языков. Он настаивал на признании равноправия тюркских языков с арабским.

Специальный интерес к проблемам языка в Иране пробуждается в период царствования одной из очередных персидских династий – Сасанидов (3-7 вв.). Сасаниды, стремившиеся к укреплению своей державы, были заинтересованы в письменной фиксации и кодификации

изустно передававшихся на протяжении многих веков текстов, составивших собрание священных книг в двух томах под названием «Авеста». Древнейшие гимны в «Авесте» – гаты приписываются самому Заратуштре. Зороастризму был придан статус официальной религии, был провозглашён культ авестийских текстов, что потребовало кодификации языка «Авесты». Для записи «Авесты» использовалось письмо, восходящее к арамейской графике и обслуживавшее среднеперсидский язык (в двух вариантах письма – пехлевийском и манихейском), который в эпоху Сасанидов функционировал в качестве государственного.

В Иране велась активная лексикографическая деятельность. Создаются многочисленные словари (авестийско-среднеперсидские, арамейско-среднеперсидские, согдийско-среднеперсидские). Появляются толковые словари к отдельным литературным произведениям или к отдельным авторам, терминологические словари. Преобладал жанр толковых словарей – фархангов (около двухсот, создававшихся на протяжении ряда веков). Многократно переписывался учебный словарь «Farhang-i pahlavik». В нём подобраны среднеперсидские эквиваленты арамейским словам, записанным гетерограммами. Адресатами словаря были зороастрийцы, не перешедшие после арабского завоевания в мусульманство и утратившие свой язык, который стал к тому времени уже мёртвым. В словаре приводились пехлевийские переводы и транскрипции. Впоследствии словарь был расширен за счёт переводов на таджикско-персидский и на гуджарати (для переселившихся в Индию). В настоящее время ко всем прежним толкованиям переводов присоединяется перевод на один из европейских языков. Всего в словаре содержится около 1000 слов, распределённых по 31 теме. Ранние толковые словари строились как своего рода энциклопедии по разным областям знания. Словарная работа на персидском материале была продолжена как в мусульманской Персии (после арабского завоевания в 7 в. и последующей исламизации, побудившей к переходу на арабское письмо), так и в ираноязычных странах Средней Азии до 14 в. – до монгольского вторжения, после же 14 в. и ещё в большей степени после 16 в., со времени походов Бабура, по 18–19 вв. – в Индии, где персидский был в отдельных княжествах официальным литературным языком.

После арабского завоевания появляется множество арабско-персидских словарей (час-

то переводов с арабского) и – в условиях Малой Азии, где с конца 11 в. своё господство установили тюрки-сельджуки – персидско-тюркских словарей (особенно много в 15–16 вв., когда сложился османско-турецкий язык).

Около 12 в. появляются комментированные переводы Корана – тафсиры, свидетельствующие о значительном развитии лексикографической техники. В тафсиры включаются теологические комментарии, примеры на живом языке. Под арабским влиянием иранские лексикографы увлекаются также составлением словарей синонимов, словарей для чтения поэтических произведений.

После утверждения ислама испытывает расцвет философия языка (аль-Фараби и аль-Газали, писавшие по-арабски, связывавшие античную философию и грамматику и современные теории языка, развивавшие интересные лингвистические идеи в русле средневековой мусульманской схоластики).

Еще одна самобытная и чрезвычайно устойчивая лингвистическая традиция Восточного мира возникла в Древней Индии. Она, как и китайская лингвистическая традиция, но гораздо интенсивнее воздействовала на формирование и развитие языковедческой мысли в соседних странах. В начале 2-го тыс. до н.э. с Северо-Запада в Иран и Индию вторгаются индоевропейские племена ариев, или арийцев (индоиранцев). Об индоарийцах мы знаем как о носителях ведийской культуры (сер. 1-го тыс. до н.э. – сер. 1-го тыс. н.э.), запечатлённой в передаваемых устно религиозных текстах – Ведах (Ригведа, Самaveda, Яджурведа, Атхарваведа). Стремление сохранить в чистоте язык религиозного ритуала, получивший название ведийского, и явилось как раз основой для пробуждения специального интереса к проблемам языка. Первоочередное внимание уделялось изучению законов мелодики, ритмики, метрики, фонетики (и этому потом у представителей индийской культуры учились китайцы, приобщаясь к буддизму), а также элементарному этимологизированию слов. Заметны достижения древних индийцев в области лексикографии. Им принадлежат составленные на санскрите обширные ритуально-мифологические трактаты – брахманы (8–7 вв. до н.э.), в которых излагаются общие программы обрядовых действий жрецов и толкования исполняющихся при этом ведийских стихов. Особенно высокого уровня достигает разработка проблем грамматики. Вершиной грамматической мысли и об-

разцом для множества подражаний явился труд «Аштадхьяйя» ('Восьмикнижие') Панини (5 или 4 в. до н.э.), ставящий задачей строгую регламентацию и канонизацию санскрита. Следует отметить преимущественно теоретическую направленность труда Панини, предвосхищающего по своему научному уровню достижения современной формальной логики, структурной и генеративной лингвистики.

Древние индийцы обращались и к вопросам философии языка, первоначально в мифологических сказаниях и религиозных текстах, а затем в философских и грамматических трудах. Они признавали язык высшим божеством («Ригведа»).

Европейские учёные познакомились с санскритом и идеями древнеиндийской грамматики в конце 18 – начале 19 вв., что оказало значительное влияние на формирование сравнительно-исторического языкознания и его метода. Основоположники компаративистики верили в то, что древнеиндийский язык является предком всех индоевропейских языков, что ему присуще высшее совершенство, утраченное в развитии языков-потомков. Нередкое обращение к разработанным древними индийцами понятиям и особенно процедурам анализа наблюдается также в современном европейском и американском языкознании. При этом часто не обходится без ошибочного отождествления понятий, выдвигавшихся древнеиндийской наукой, с близкими понятиями, сформулированными в европейской лингвистической традиции, без достаточного учёта различий в этнокультурном, общенаучном и языковедческом контекстах.

Сегодня никакую другую тенденцию социального и политического развития не обсуждают так активно, как идентичность. Идентичность или то, как человек как главный субъект научного дискурса, представитель определенного пола, этноса, группы, культурной общности или государства самоопределяется, играет большую роль в современном мире. Понятие идентичности многогранно, многоаспектно и даже амбивалентно. При этом идентичность в качестве объекта исследования в системе культуры развивается в нескольких ракурсах; ученые исследуют такие ее разновидности, как персональная, социальная, цивилизационная, национальная, этническая, культурная.

Тема идентичности – животрепещущая тема как западной, так и восточной философской и культурологической мысли. Поскольку человек

– существо социальное, общественное, то и на уровне первого акта идентичности происходит осознание человеком своей принадлежности к какой-либо социальной группе, культуре, этносу или этнической группе, что определяет его топологическое расположение в социокультурном и социополитическом пространстве и включает возможность ориентации в нем. Необходимость проявить себя в идентичности и соотнести себя с другим, то есть с миром, с иными субъектами, некими общностями, вызвана тем, что каждый человек нуждается в известной упорядоченности своей жизнедеятельности, которую он может получить только в сообществе себе подобных. Двойственность единения и разлада в отношении самоидентичности человеческой личности выступает серьезным вызовом современности.

Сторонники европоцентризма распространяют периодизацию социокультурной истории Европы на все области земного шара. Это ведет к заметным натяжкам и искажениям реального историко-культурного развития народов неевропейских стран.

Несмотря на декларирование ценности каждого социума, каждой культурной традиции, современная ситуация в мировой культуре напоминает, скорее, утверждение и распространение ценностей европейской культуры. Именно поэтому мы можем говорить о так называемой вестернизации (европеизация+американизация) как о существенной черте современной мировой культуры. Сегодня мы наблюдаем этап развития европоцентризма до мирового масштаба, когда по своей сути и происхождению западные ценности, нормы, сам стиль жизни начинают претендовать на роль общечеловеческих ценностей. Стремление к утверждению европейской системы ценностей, модели государственного устройства и т.п. сочетается с экономическим, технологическим и военным превосходством, в силу чего европоцентризм и вестернизация представляют собой серьезную угрозу мировой культуре в целом. Мир нивелируется под единый стандарт западного образа жизни и западных ценностей.

Этим процессам можно противопоставить этноцентризм (термин этнологии) – то «нормальное мироощущение» любого этноса, когда его ценности, традиции, установления осмысливаются его представителями как единственно истинные и верные. Исчезновение иных культурных традиций вызывает у представителей различных этнических культур временами активное и яростное неприятие европейских и

американских ценностей. Ценности «родной» культуры создают «островки стабильности» в мире бесконечных перемен и трансформаций. Они дают ориентиры смысла жизни, служат основой ментальности человека, восстанавливают и поддерживают энергетический контур человека, повышают творческий потенциал и жизнестойкость личности, содействуют долголетию и социальной активности.

Сегодня, несмотря на ускоренную динамику шествия глобализма по планете, необратимости интеграционных процессов, влияния ценностей массовой культуры, традиции обуславливают стремление народов к сохранению собственной национальной идентичности. Следует отметить, что ценности массовой культуры работают на поверхности, они могут изменить внешние формы, но не могут проникнуть и основательно пошатнуть глубинные основы мировоззрения, связанные с многовековыми национальными традициями. Кроме того, в условиях сохранения и различия разнообразия культур глобальный характер развития современной цивилизации невозможно искусственно остановить, он подчиняется объективным законам, и неизбежно интеграционные процессы будут прокладывать себе путь в условиях различия.

Гуманитарная культура способствует преодолению техницизма и профессиональной ограниченности, открывая духовный мир культур народов всем многообразии. Этому содействует развитие культурных контактов между странами и народами. Это приводит к познанию иных культур, увеличивает интерес к различным формам культурной жизни, ведет к культурной интеграции народов. Культурные контакты способствуют возрождению традиций, обычаев, видов искусства, народных промыслов, игр и состязаний, национальной кухни, сохранению исторических древностей и уникальных ландшафтов, традиционной медицины. Это стимулирует поддержание самобытности культур как национального достояния, предмета общественного почитания и гордости. На этой основе развиваются исторические, этнографические, культурологические исследования, поиски происхождения этноса, сохранение языка, улучшение имиджа своей культуры. Все это содействует мирному взаимодействию и взаимному познанию культур народов мира. Разрозненный мир обретает сегодня единство в многообразии культур. Человечество как никогда прежде ощутило потребность в диалоге, взаимном по-

нимании и общении, интеграции культурного пространства, при сохранении самобытности и уникальности исторического наследия.

Будущее человеческой цивилизации во многом зависит от понимания и сотрудничества

между политическими и интеллектуальными силами стран и народов. Необходимо всемерно развивать и поддерживать стратегию диалога, межкультурных коммуникаций, взаимного обогащения культур.

Литература

- 1 Бонгард-Левин Г.М., Ильин Г.Ф. Индия в древности. – М., 1985.
- 2 Гуревич П.С. Философия культуры. – М., 1994.
- 3 Кононенко Б.И. Большой толковый словарь по культурологии. – 2003.
- 4 Культурология. XX век. Энциклопедия. –1998.
- 5 Лисевич И. С. Литературная мысль Китая на рубеже древности и средних веков. –М., 1979.
- 6 Трельч Э. Историзм и его проблемы. – М., 1994.
- 7 Шпенглер О. Закат Европы. Т. 1. – М., 1993.

References

- 1 Bongard-Levin G.M., Ilin G.F. India v drevnosti. – М., 1985.
- 2 Gurevich P.S. Filosofia kulturi. – М., 1994.
- 3 Konenko B.I. Bolshoi talkoviy slovar gj kulturalogi. – 2003.
- 4 Kulturalogia. XX vek. Enthiklopedia. – 1998.
- 5 Lisevich I.S. Literaturnaia misl Kitaia na rubeje drevnosti isrednih vekov. – М., 1979.
- 6 Terlch E. Istorizm i ego problem. – М., 1994.
- 7 Shpengler O. Zakat Evropi. T.1. – М., 1993